

Этимология диалектных основ пермских фамилий
XVI – начала XVIII века (*Кондырев, Кандырев, Калдырев*)⁷³

Изучение пермских фамилий XVI – начала XVIII в. свидетельствует о необходимости этимологического исследования их диалектных основ не только потому, что это актуально для диалектологии и этимологии, но и потому, что нередко лишь этимологический анализ позволяет установить достоверность их прочтения в скорописных памятниках письменности, их точную форму.

Так, в Чердынском расписном списке 1680 г. зафиксирован житель погоста Вильгорт Дениска Калдырев [РСЧ 3, 59об.], фамилия которого представлена в словаре пермских фамилий XVI – начала XVIII в. как образованная от прозвища *Калдырь*, предположительно называвшего хвастуна, о чем может свидетельствовать однокоренное с ним севернорусское слово *колдыряться* ‘хвастать, похвастаться’ [СРНГ 14, 120]⁷⁴. В современных пермских и других источниках такая фамилия не была обнаружена. Однако в процессе дальнейшего сбора материала для готовящегося нового словаря пермских фамилий, который охватывал бы большее количество источников и более продолжительный период истории пермской антропонимии (с середины XVI в. до 1800 г.), то же лицо было записано в 1679 г. как *Дениска Кандырев* [РСЧ 3, 66об.]. Его фамилия соотносится уже с прозвищем *Кандырь*, которое можно считать связанным с известным в говорах прилагательным *кандыристый* ‘благовидный, красивый’ [СРНГ 13, 39]. Эта фамилия в исследуемых материалах отмечена тоже только один раз и не встретила в каких-либо современных или исторических источниках.

Почему же один и тот же человек в деловых текстах записан по-разному? В результате описки одного из составителей документов либо в результате того, что различные составители по-разному слышали эту фамилию? Или в каком-то случае она была неправильно расшифрована автором словаря фамилий и данной статьи, так как буквы *Л* и *Н*, которые писались в закрытом слоге как выносные над строкой, внешне почти совпадали? Как же установить действительную форму фамилии? Конечно, можно было бы при составлении словаря просто обойти ее как спорную, неточную, но не хотелось бы упускать как саму фамилию (или фамилии)), так и диалектное слово (или слова), с которым она связана и которое, видимо, употреблялось в речи жителей Прикамья.

⁷³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 03–04–00245А/Т).

⁷⁴ Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997. С. 96.

Дальнейшие поиски привели к обнаружению в Прикамье еще одной очень близкой по форме фамилии XVII в. – Кондырев: *Житель Соли Камской Семен Тимофеевич Кондырев* [КСГ. 23]. Она образована от прозвища Кондырь из слова *кондырь*, которое, характеризуя человека, могло быть связано с диалектными словами: арх. *кондорить* ‘хитрить, злословить’ или влг. *кондырничать* ‘скупиться’ [СРНГ 14, 247–248].

Эта фамилия существует и в современной Перми [Телеф, 281], а также отмечена в пермских памятниках письменности – в Ономастике С. Б. Веселовского: *Кондырев*, 1550 г., как и прозвище Кондырь – *Кондырь Иван Суков*, 1405 г. [Веселовский, 152].

Поиски интересующих нас антропонимов и комментариев к ним в ономастических словарях и исследованиях [Житников, Мосин, Никонов, Унбегаун, Федосюк, Чайкина, Шумилов и др.] не дали никаких результатов: эти фамилии в них не зафиксированы. Основы их *кондырь*, *кандырь*, *калдырь* в этимологических словарях русского языка не рассматривались [Преображенский, Фасмер, Шанский, Аникин]. Не было их и в праславянском лексиконе [ЭССЯ 9], что естественно, так как первый слог основ (*кон-*, *кан-*, *кал-*) был закрытым, и любая из этих основ должна быть пришедшей в русский язык из какого-либо неславянского языка.

В самом Прикамье подобная основа могла быть заимствована из бытовавших здесь пермских или тюркских языков. Но в пермских (коми-пермяцком, коми-зырянском, коми-язьвинском, удмуртском) и тюркских (татарском, башкирском) языках слова *кондырь*, *кандырь* или *калдырь* не обнаружены [ср. КПРС, ССКЗД, КЭСК, Лыткин, Радлов и др.]. Следовательно, источник исследуемых фамилий следует искать в говорах Русского Севера, на основе которых в XV–XVII вв. формировались русские говоры Перми Великой и Соли Камской, т. е. северной части современной Пермской области, откуда начиналось заселение всего Прикамья русскими.

Исследование диалектных материалов показало, что слово *кондырь* преимущественно с ударением на первом слоге (*кóндырь*) отмечается в архангельских и вологодских говорах с различной семантикой: ‘козырек у фуражки, картуза; отворот спереди шапки’, ‘стоячий воротник; стоячий ворот с разрезом сбоку у мужской рубахи’ [СРНГ 14, 248–249; СВГ 2, 1987]. Со значением ‘козырек у фуражки’ это слово пришло и в сибирские говоры [ИОС 1, 216; Элиасов, 162], но там отмечаются и иные значения: ‘небольшой навес над крыльцом’, ‘высокий наличник’ [Элиасов, 162]. Что объединяет все эти значения? Семы ‘высокий’ и ‘стоячий’.

К сожалению, в уральских диалектных материалах XIX–XX вв. [АС. СГСРПО, СПГ, СРГСУ, СРГСУ–Д и др.], как и в памятниках письменности XVI – начала XVIII в. [СПП XVI–XVIII], слово *кондырь* не зафиксировано. Но присутствие его в севернорусских и сибирских говорах, а также в качестве антропонимической основы в Прикамье, через которое по рекам Вишере и Чусовой весьма активно заселялась Сибирь, может свидетельствовать о наличии его в прошлом и в пермских говорах.

Слово *кондырь* с ударением на разных слогах отмечалось и в южнорусских говорах: курск. ‘особым образом повязанный девичий головной платок’, тамб. ‘отворот на рукаве, обшлаг; кожаная или плисовая обшивка рукава у кисти’ [СРНГ 14, 248]. Но там развитие значений могло идти на базе более ранних, а именно таких, какие сохранились в говорах Русского Севера: ‘отворот шапки’ > ‘отворот рукава’.

В говорах Русского Севера слово *кондырь*, скорее всего, возникло из существительного *конда*, пришедшего из какого-либо прибалтийско-финского языка: этимологи считают, что *кóнда* ‘бревно крепкой сосны’ < *кóнга* < фин. *honka* ‘зрелая сосна’ [Фасмер 2, 308], лив. *hongu* ‘выросшая, зрелая ель, сосна’, эст. *honga-pü* ‘старая сосна со свисающими ветвями и желтой древесиной’⁷⁵.

Конда в русском языке – диалектизм. Его не отмечают ни словари современного русского литературного языка, ни словари русского языка XVII–XVIII вв. [СРЯ XI–XVII, СРЯ XVIII], хотя в них присутствует образованное от *конда* прилагательное *кондовый* в значениях: устар. и обл. ‘с плотной древесиной и с малым количеством сучков’, перен. ‘старинный, прочный, основательный’ [ТСРЯ 1, 1434; ССРЛЯ 5, 1282]. Вместе с тем слово *конда* отмечается в различных севернорусских, уральских и сибирских говорах с семантикой: влг., перм., свердл. ‘крепкая, многослойная смолистая сосна, растущая на сухом месте’, перм. ‘большое дерево с крепкой высококачественной древесиной’, вят. ‘крепкое сосновое бревно; сосновый строительный материал высокого качества’, ‘плотная мелкослойная внутренняя часть хвойного дерева’, арх., влг., коми ‘сухостойная сосна или ель’, с.-двин. ‘сухостойное дерево’ [СРНГ 14, 245; АС 2, 58], карел. ‘высохшая на корню ель’ [СРГК 2, 411], перм. ‘плотная, прочная древесина’ [СПГ 1, 410].

Образованное от *конда* слово *кондовый* распространено в севернорусских, уральских и сибирских говорах со значениями: ‘с плотной прочной древесиной; крупный, могучий, высококачественный (о лесе, дереве)’, ‘построенный из крепкого толстого леса, основательный, прочный’ [СРНГ 14, 247]. Оно послужило основой большого гнезда

⁷⁵ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 8.

слов, называющих сосновый лес, бор – *кондовник*, плотную внутреннюю часть хвойного дерева – *кондовина*, процесс обрубания веток и сучьев – *кондовать*, характеризует обработанные (без сучьев) бревна – *кондованный* [Там же; СРГА 2. II, 69], т. е. хороший (преимущественно хвойный) лес и процессы, связанные с его заготовкой и обработкой. Однако на Урале в слове *кондовый* зафиксированы и переносные диалектные значения: перм., свердл. ‘здоровый, крепкий (о пожилом человеке)’, ‘отличный (о людях)’, ‘хитрый, изворотливый, ловкий’ [СРНГ 14, 247].

Другое большое гнездо слов в говорах возникло от слова *кондырь*, образованного из *конд(а)* + суффикса *-ырь*. Этот довольно редкий в русской лексике суффикс отмечается в исследовании Ю. С. Азарх⁷⁶ при рассмотрении экспрессивных суффиксов: «Дериваты с подобными суффиксами характерны для разговорной речи, поэтому они находят отражение в основном в антропонимии отапеллятивного происхождения, причем преимущественно с XV–XVI вв.»⁷⁷. Действительно, в говорах, хотя и редко, встречаются слова на *-ырь*: *натонырь* – экспр. ‘карапуз’, *немтырь* – ‘немой’, *паназырь*, *поназырь*, *понозырь*, *пузырь* – ‘пухлый, толстый ребенок’ [СРГСУ 2, 89, 99; 3, 91, 111]. К таковым можно отнести и слово *кондырь*.

Возможно, его появление или развитие в нем семантики каким-то образом связано со словом *козырь*, фиксируемым в русских памятниках с XVII в. в значениях: ‘высокий стоячий воротник’ – 1641 г., ‘шапка с козырьком’ – 1659 г., ‘суживающаяся кверху спинка саней’ – 1680 г. [СРЯ XI–XVII 7, 228], а с XVIII в. ‘козырь в карточной игре’ [Там же]. Бесспорной этимологии слова *козырь* пока нет [Фасмер 2, 279], хотя было немало попыток установить его происхождение в русском языке. Интересно в этом плане предположение об образовании его из тюрк. (тур.) *koz* ‘козырная карта’ (на базе *koz* ‘орех’, ср. распространенную на Востоке детскую игру в орешки) и суффикса *-ырь* [Шанский 8, 188]. Суффикс оказывается тем же, что и в диалектизме *кондырь*.

Слово *кондырь* отмечается в памятниках письменности с 1688 г. как название отворота рукава кафтана [СРЯ XI–XVII 7, 270], отворота, обшлага рукава [СРЯ XVIII 10, 132]. Думается, что оба слова (*кондырь* и *козырь*) функционировали в русской речи задолго до XVII в., но не попали в дошедшие до нас тексты, так как не было ситуации, в которой их могли бы зафиксировать. Однако семантически они (как и образованные от них слова *кондырёк*, *козырёк*) связаны значением ‘отворот, козырек головного убора’. У слов *кондырь*, *кондырёк* оказывается акту-

⁷⁶ Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 11.

⁷⁷ Там же. С. 18.

альной сема 'отворот какой-либо части одежды' (головного убора, рукава), на этой основе развивается сема 'обшивка края одежды' ('кожаная или плисовая обшивка рукава у кисти'). Вместе с тем в сибирских говорах отмечается значение 'накладная планка на верхнем косяке двери, окна; выступ над окном или ставнями, карниз' [СРНГ 14, 248; ИОС 1, 216].

В словах *kozyрь*, *kozyрёк* диалектные словари не отмечают значений, связанных с отворотом какой-либо части одежды, семантика их оказывается более разнообразной, чем у слов *кондырь*, *кондырёк*, ср.: влг. 'наклонный карниз на фронте деревянного дома для стока воды', арх. 'кирпичный выступ над челом печи', приангар. 'решетчатая спинка деревянной лавки', свердл. 'спинка кровати', арх., краснаяр. 'верхняя часть спинки кровати', новосиб., том. 'задний выступ седла', лит., лтш., перм., смол. 'передняя часть саней, передок', перм. 'крыло над колесом телеги', орл. 'крытый кузов повозки, экипажа', чкал. 'удлиненная спереди часть голенища валенка, прикрывающая колено', перм. 'женский головной убор, род кокошника' и др. [СРНГ 14, 75–77]. Обычно все эти слова называют предмет, высокий или находящийся на высоте (выше чего-либо), и часто – предмет, вертикально расположенный (стоячий), что сближает их с диалектизмами *кондырь*, *кондырёк*.

Появились ли эти совпадающие семы в каждом из слов (*кондырь*, *кондырёк*, *kozyрь*, *kozyрёк*) независимо друг от друга или одно из слов в значительной мере повлияло на другие? Представляется, что какое-то взаимовлияние этих слов существовало, но сев.-рус. *кондырь* должно было изначально обозначать реалии высокие и стоячие, так как эти семы шли из мотивирующего слова *конда* (дерево, сосна – 'высокая' и 'стоячая'). И, возможно, оно появилось в севернорусских говорах ранее, чем в них проникло слово *kozyрь*.

Об этом могут свидетельствовать различные дериваты. От *кондырь* (и нередко в огласовке *кандырь*⁷⁸) возник ряд диалектных слов, характеризующих людей или их действия: твер., забайк. *кандыристый*, *кандыристый* 'красивый, казистый' [Даль² 2, 84], 'благовидный, красивый' [СРНГ 13, 39], 'стройный, красивый' [Элиасов, 148], влг. *кондырничать* 'скупиться, скопидомничать' [СРНГ 14, 248] [возможно, от 'крепкий, устойчивый, надежный, сберегающий и для этого скопидомничающий'], влг. *кандырычиться* 'корячиться, упрямитесь' [Даль² 2, 84]⁷⁹ (т. е. 'быть устойчивым, негибким, упорным, упрямым'), арх. *кондорить* 'хитрить, злословить, ссорить одного с другим' [СРНГ 14,

⁷⁸ Слово *кондовый* тоже дало форму с -а- *кандовый*: киров. 'очень живой, веселый' [СРНГ 13, 39], 'стройный, с хорошей выправкой' [Элиасов, 148].

⁷⁹ Видимо, из русского языка пришло в украинский слово *кондричитись* 'вередувати, капризувати', этимология которого считается неясной [ЕСУМ 2. 549].

247], *кондриться* 'зазнаваться, заноситься' [СРГСУ 2, 44]. Иногда возникали характеристики человека от противного, что нередко отмечается при характеристике людей в апеллятивной лексике и ономастике (например, не высокий, как кондовая сосна, а, напротив, маленький): карел. *кандыра* 'человек маленького роста' [СРГК 2, 324], твер. *кандирка* 'маленькая' [СРНГ 14, 40].

Отмечаются диалектные слова и со звуком -л- на месте -н- в корне: ряз. *колдырь* 'нарост на дереве' [СРНГ 14, 120], олон., перм. *колдыриться* и олон. *колдыряться* 'хвастать, похваляться' [Там же], карел. *колтырять* 'говорить' [СРНГ 14, 197].

Все использованные выше наблюдения позволяют прийти к следующим выводам. Слово *кондырь*, восходящее к прибалтийско-финской основе *конда*, и его варианты (*кандырь*, *колдырь*, *калдырь*) могли реально существовать в русских говорах Прикамья, куда проникли с Русского Севера, и попасть в пермскую антропонию. Образованные от них прилагательные и глаголы, характеризующие людей или называющие их действия, содержали некую оценочность, положительную (высокий, стройный, красивый, благовидный) или отрицательную (хитрить, злословить, корячиться, упрямиться, зазнаваться, хвастать). Эта оценочность в какой-то мере могла распространяться и на основное слово *кондырь* (и варианты *кандырь*, *калдырь*), что приводило к образованию прозвища, ставшего затем основой фамилии.

Этимологический анализ фамилий *Кондырев*, *Кандырев*, *Калдырев* позволил установить, что все они были возможны в XVII в. и могут быть внесены в Словарь пермских фамилий. Вместе с тем следует прокомментировать ситуацию именования одного и того же жителя Перми Великой разными антропонимами – *Калдырев* и *Кандырев*, чего, казалось бы, быть не должно, и сделать выбор в пользу одного из них. Однако учитывая, что эти именования были записаны со слов истцов, а в живой речи они действительно могли быть употреблены различными людьми в разной форме, что составители документов могли услышать их так, как сами привыкли их произносить, ни одну из фамилий не следует выбрасывать из словаря. Словарные статьи на них должны быть четко соотнесены между собою: основной должна быть статья на фамилию *Кондырев*, так как она встречается в пермских и непермских памятниках письменности и в современной пермской антропонимии. К тому же апеллятив *кондырь*, из которого вышел этот антропоним, является более распространенным. Статьи на фамилии *Кандырев* и *Калдырев* могут быть составлены с отсылками к статье на *Кондырев*, где целесообразно рассмотреть все связи апеллятивов, давших исследуемые антропонимы.

Таким образом, именно этимологический анализ позволил разобраться в запутанной истории очень похожих, но разных фамилий и установить, что в живой речи Прикамья XVII в. должны были существовать диалектные слова *кондырь*, *кандырь* и, возможно, *калдырь*, которые в настоящее время отсутствуют в пермских диалектных материалах.

Я. Саарикиви

Хельсинки

Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения

Субстратная топонимия севера европейской части России обычно интерпретируется исходя из данных о нарицательной лексике финно-угорских языков, в первую очередь прибалтийско-финских. Однако в живых прибалтийско-финских языках весьма значительную часть составляют отантропонимные топонимы: например, в финском к ним относится как минимум 10%⁸⁰ всех топонимов, в веппском – примерно 50% ойконимов⁸¹.

Между тем севернорусских субстратных топонимов, содержащих прибалтийско-финские личные имена, обнаружено пока очень мало. Учитывая большое количество подобных названий в живых прибалтийско-финских языках, можно предположить, что поиск их на Русском Севере окажется весьма перспективным. При этом следует ориентироваться на то, что определенным типам севернорусской субстратной топонимии в живых прибалтийско-финских языках аналогичны топонимы преимущественно с отантропонимными основами. Это касается прежде всего ойконимов и названий сельскохозяйственных угодий. Поэтому вполне вероятно, что антропонимы в субстратных названиях подобных объектов есть также и на Русском Севере. Кроме того, к сочетанию именно с отантропонимными основами тяготеют определенные форманты. Например, в современном финском языке подавляющее большинство ойконимов с формантом *-la* содержит антропонимы⁸². Речь здесь может идти также о субстратных названиях лугов и мысов с формантом *-неь* и названиях поселений с формантом *-бола / -пола*. Естест-

⁸⁰ По данным Э. Кивиниеми, см.: *Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia* 516. Helsinki, 1990. S. 143–145.

⁸¹ Муллонен И.И. Очерки веппской топонимии. Петрозаводск, 1994. С. 85–86.

⁸² См. например: *Kepsu S. Talonniemien tutkimisesta // Kieli 2: Helsingin yliopisto, suomen kielen laitos / Kiviniemi & Pitkänen (toim.)*. Helsinki, 1987. Стоит все-таки заметить, что старые ойконимы, содержащие формант *-la*, часто имеют основы неизвестного происхождения и в Финляндии, и на соседних территориях. Такие названия могут содержать неизвестные ныне антропонимы, но это, скорее всего, уже невозможно доказать.